

Теккерей Уильям Мейкпис

Лекции мисс Тиклтоби по истории Англии

Герой(который, в свою очередь, представит нам героиню)

Нам посчастливилось свести знакомство с одним молодым человеком, неким Адольфусом Симко, который, подобно многим людям его возраста и положения, пристрастился к литературным занятиям, что в недолгом времени довело его до разорения.

Он получал приличное жалованье, служа приказчиком в аптеке фирмы *** на Чипсайд, но даже в то время шагу не мог ступить без томика Байрона в кармане и нередко забавлял своих коллег, декламируя наизусть целые куски из Шелли, Уордсворта и Мура. Одному из молодых людей он дал почитать пухлую тетрадку стихов собственного сочинения; но поскольку он был робкого десятка, а молодой человек заснул под чтение первой же строфы, Адольфус больше не осмеливался повторить подобный опыт ни с кем из других своих сослуживцев, но еще более замкнулся в себе и напустил на себя поэтического туману, ходил по театрам, опаздывал на службу, жил один и

каждый день старательно подворачивал грязные воротнички. Хозяева фирмы «Батлер», хоть и не без сожаления, совсем было решились уволить его, но он предупредил этот шаг с их стороны, объявив, что уходит по собственному желанию. Бабушка Адольфуса, которая, как говорили, держала лавчонку в городе Йорке, оставила Адольфусу в наследство триста фунтов в трехпроцентных бумагах, каковую сумму он счел вполне достаточной, чтобы самостоятельно попытаться счастья в жизни.

Пределом его мечтаний было стать редактором журнала, сплотить вокруг себя «великие умы нашего века», как он выражался, и иметь возможность осчастливить читающую публику своими статьями, набранными самым красивым шрифтом и разрекламированными всеми мыслимыми способами.

В то время как раз продавался знаменитый альманах «Дамская лютня», право, если человек решил расстаться со своими деньгами, он всегда найдет какой-нибудь журнал с метлой в заголовке, — и Адольфус всего-навсего за сорок пять фунтов стал владельцем и редактором «Лютни»; он блаженствовал, созерцая свою фамилию, напечатанную крупным, изысканнейшим готическим шрифтом на титульном листе, а стихи его занимали почетное место на страницах

журнала. Этот славный малый, не лишенный коммерческой жилки, решительно объявил на первой странице от лица издателей журнала, что, к счастью для английской читающей публики, «Дамской лютне» ценой колоссальных затрат удалось привлечь к сотрудничеству Адольфуса Симко, эсквайра; что отныне он целиком посвятит себя означенному изданию, и восхищенное человечество получит свидетельства могучей силы его лиры.

Зная всех поэтов наизусть, он ловко подражал всем сразу и в одном стихотворении являл образцы чуть ли не десятка различных стилей. Мало того, у него была собственная яркая манера, которая на некоторое время даже, вошла в моду; и Адольфусу Симко почти целый год, можно сказать, удавалось морочить публику — как ранее многим другим сочинителям. Мы уверены, что поначалу журнал Адольфуса в самом деле платил своим авторам; кроме того, доподлинно известно, что один оттиск его портрета на меловой бумаге, который он напечатал на второй год своей редакторской деятельности, купила некая молодая особа, искренняя почитательница его поэтического таланта.

За полтора года он исчерпал весь свой рукописный том стихов; он опубликовал «Вампира», стихотворение в стиле лорда Байрона;

«Лейлу» — в манере Томаса Мура; «Идиосинкразию», дидактическое произведение, сильно смахивавшее на Вордсворта; и, наконец, «Гондолу», венецианскую песню, в которой можно было уловить некоторое сходство с сочинениями Л. Э. Л.; затем он выступил с трагедией, озаглавленной «Вечная погибель, или Ложь Розенкрейцеров», до того чудовищно скучной, что к концу четвертого действия у журнала, как обнаружилось, осталось не более тридцати трех подписчиков.

Достаточно сказать, что, хотя он еще полгода продолжая трудиться в поте лица, изливая, по его выражению, все силы своей души на страницы журнала (потому что когда не стало денег, не стало и авторов), хотя он писал трогательные, исполненные глубочайшего смысла и юмора статьи, брался сочинять романы и высасывал из пальца самые горькие и иронические рецензии, «Дамская лютня» выпала из его рук; струны ее, как он выразился, были грубо разорваны, и он, прикасавшийся к ним с таким благоговейным восторгом, продолжал путь, несчастный и подавленный.

Три месяца он провел во Флитском королевском пансионе, откуда вышел в парчевом шлафроке, унеся с собой граненые флаконы и бритвенные принадлежности, которые он предусмотрительно прихватил, чтобы скрасить дни

своего заточения. Серебряные крышечки были заложены, чтобы прокормиться в неволе.

Мы уверены, что мисс Тиклтоби его родственница; во всяком случае, несомненно, что он ночует у нее на чердаке (причем, принимая во внимание почтенный возраст хозяйки, не следует верить всяким сплетням). Можно с уверенностью сказать, что он учил ее питомцев чистописанию, а на досуге создавал то, что украсило бы журналы, если б они согласились напечатать его сочинения.

Он все еще вспоминает о «Дамской лютне», называя ее самым значительным периодическим изданием, какое когда-либо выходило в свет, но несколько дней назад от всей души извинился перед автором этих строк за то, что в свое время плохо отозвался о его ранней книге стихов, озаглавленной «Лирика души», которая была написана в шестнадцать лет, еще в его бытность студентом Лондонского университета. Он убежден, что автор «Лирики души» не только не простил его, но с тех пор изменился до неузнаваемости, испепеленный его убийственным сарказмом. Следующее наше произведение, утверждает он, было подобно бездонной трясине отчаянья; называлось оно «Хитрый откатчик, или Любовь на Винной улице». Эту книгу, надеемся, читатель помнит. Где найдешь более неподдельный юмор, более соленые шутки,

чем те, которые пронизывают каждую строчку этого поистине пикантного произведения?

Незачем и говорить, что мы нисколько не сердимся на беднягу Адольфуса; напротив того, видя, что он пал духом, опустился и стал еще грязнее обычного, мы, при встрече в «Глобусе» на Бау-стрит, куда оба частенько заглядывали, с дорогой душой ссудили его семью шиллингами, что дало ему возможность заказать мясное в добавление к жалкой полупинте пива, из которой, видимо, состоял весь его обед.

Еда и деньги развязали ему язык, и он соблаговолил поведать нам историю своих многочисленных разочарований, «своих разбитых надежд», увядших мечтаний юных лет и «напрасных упований» (Адольфус говорил с акцентом коренного лондонца, откуда бы ни была родом его бабка); кончилось тем, что он вынул рукопись (а это всегда повергает в ужас сочинителя), но не стал ее читать, а, благодарение богу, принялся лишь разглагольствовать о ней. Это было не его, а чье-то чужое сочинение.

— Альфред, — сказал он, — вы знаете, что я занимаю видное положение в литературном мире. Или, по крайности, занимал, покуда на меня не свалилось несчастье. Когда я очутился в печальных обстоятельствах, меня приютило в своем доме чудное создание, удивительная женщина. («За

ту, — сказал он, торжественно осушая свой бокал, — которая удваивает наши радости, а в беде берет на себя половину нашего бремени — за женщину!») — Допив коньяк с содовой, он продолжал. — С тех пор как я живу в доме этого дивного создания, — она уже не молода, Альфред, годится мне в бабушки, так что, прошу вас, оставьте эту ироническую улыбку, — я не пренебрегал, сами понимаете, священным призванием, для которого я, без сомнения, рожден. Поэзия служила мне утешением в невыносимом одиночестве, и я обошел редакции всех газет. Но что за черствый и бессердечный народ эти редакторы, — люди, которые обжирались за моим столом и пили вволю мое вино, которые в дни моего процветания обогатились за мой счет, — поверите ли, они не хотят взять у меня ни одной статьи и презрительно отворачиваются! Мало того, они отказываются помочь мне даже рекламой — мне и близким мне людям. Поверите ли, дорогой друг, как раз недавно мисс Тиклтоби начала читать цикл лекций, и я стремлюсь обеспечить им достойный прием во всем мире, а ни одна газета не печатает короткий отчет, который я написал. «Эйдж», «Аргус», «Эра», — я обращался всюду, но все они одинаковы, все, все неблагодарны.

— Дорогой мой, если вы будете писать стихи... — сказал я.

— Но это же не стихи, — возразил Адольфус. — Это проза, отчет о лекции мисс Т. с моим скромным предисловием.

— Попробую пристроить это в «Панч», — сказал я.

— «Панч»! Фу! — воскликнул он. — Господи, неужто вы так низко пали! Мне печататься в «Панче»! Силы небесные! Что за дикая смесь!

— Какую вам смесь, сэр, с ромом или с коньяком? — спросила официантка Бетси, услышав только последнее слово.

— С ромом, — сказал Адольфус, не растерявшись, проглотил крепкий напиток и схватил меня за руку.

— Альфред, — воскликнул он, — скажите мне только одно — а в «Панче» платят? Потому что, между нами, мисс Тиклтоби грозитя выставить меня за дверь, если я не буду ей чем-нибудь полезен и... не уплачу по счету.

Адольфус Симко должен получить вознаграждение за свои труды, и поэтому с будущей недели мы начинаем печатать лекции мисс Тиклтоби.

Лекция первая

На нашу долю только что выпало счастье присутствовать при одном из самых блестящих

проявлений эрудиции, какое только имело место в нашу прославленную эрудицией эпоху.

Великий дух Истории, очищенный в перегонном кубе могучего ума, излился на нас чистым, густым, крепким, зачастую пьянящим потоком, и каждый глоток был так сладок, а жажда слушателей так велика; фигуры государственных деятелей и героев, мудрых героев и героических деятелей были выхвачены из тьмы далеких веков, и волшебница заставила их предстать перед нами; великолепные и величественные герои минувших времен во всем своем блеске восстали из могил и взирали на нас как живые, — таковы мысли, чувства и картины, которыми мы обязаны сегодня красноречию мисс Тиклтоби.

Мы пишем это преисполненные глубочайшего волнения, ибо слова прекрасной лекторши еще звучат в наших ушах; но мы бессильны передать и десятую долю той непостижимой гармонии речи, того волшебного очарования поэзии, которые сия благородная особа излила на своих слушателей, — эти чары не изгладятся из памяти людской.

Скажем только, что, как было ранее объявлено в печати, эта высокообразованная леди сегодня начала читать цикл лекций по истории Англии. Ее друзья, ее ученики, все, кто знает и высоко ценит ее (а в это число входят избранные таланты нашей страны и цвет ее аристократии),

собрались ровно к часу дня в ее скромном жилище (дом э 3, подворье «Телячья Ножка», по Литл-Бритен, над зеленой лавкой; звонить в третий звонок снизу). Мы пришли туда в числе первых и счастливы поведать о знаменательных событиях дня. Репортеры нашей газеты тщательно записали каждое слово, слетавшее с уст говорившей (о если б они могли с такой же точностью передать проникновенный тон и исполненный волшебства взгляд, делавший ее слова в тысячу крат драгоценней); мы же, привыкшие по роду своей деятельности к философской лапидарности, ограничились тем, что записали лишь заголовки и назидательную квинтэссенцию (если позволено так выразиться) лекции мисс Тиклтоби; и мы льстим себя надеждой, что при сравнении с полным текстом наша трактовка не противоречит его духу.

До сих пор мы говорили о мисс Тиклтоби, как об общественном деятеле; теперь несколько слов о ней как о женщине. Она давно известна и любима в своем квартале, красой и гордостью коего является, — в Сент-Мэри-Эксе.

С юных лет она трудится на ниве просвещения, и некоторые из лучших семейств Сити обязаны ей начатками знаний! Ее учебник по правописанию весьма популярен, и его издание почти разошлось; кроме того, достаточно назвать в числе ее учеников дочь одного из клерков

олдермена Хармера, а также племянницу его покойного превосходительства лорд-мэра, чтобы самые взыскательные поборники избранного общества удовлетворились положением в свете тех, кто внимает мисс Тиклтоби.

Мисс Тиклтоби убеждена, что образование может принести плоды лишь в том случае, если приобщать к нему с самого раннего возраста, и поэтому принимает учеников, начиная с двух лет и старше. Более того, она не раз с улыбкой говорила, что готова была бы принимать и месячных младенцев, ибо чем раньше учить ребенка, тем лучше. Разумеется, в столь нежном возрасте пол не имеет ни малейшего значения. Дети мисс Тиклтоби (как она любит их называть) равно принадлежат как к слабой, так и к сильной половине рода человеческого.

Что касается ее метода преподавания, он не чужд принуждения. Мисс Тиклтоби отвергает новомодные выдумки о вреде телесных наказаний и, памятуя, какую пользу они принесли ей самой, не колеблется прибегать к ним в случае необходимости.

По средам, когда занятия кончаются раньше, она предполагает прочесть цикл лекций по истории Англии, разнообразя их время от времени (как мы увидим из намека, сделанного ею в первой лекции) легкими и занимательными отступлениями. Мы

намерены посетить эти лекции все до единой и горячо рекомендуем всем лондонцам последовать нашему примеру. Стоимость билета на шесть лекций — девять пенсов.

Аудитория

Лекция была назначена на час дня, и, явившись к этому времени, мы нашли в аудитории самые сливки общества. Для представителей прессы были отведены лучшие места. Комната была со вкусом убрана цветами — недорогие, но восхитительные и душистые, гордость английских садов, они красовались на камине и на скромном столе, у которого стоял стул для лекторши, кроме того, большой, благоухающий букет украшал подоконник. Только эти цветы (да еще премиленькая занавесь на двери, откуда должна была появиться мисс Тиклтоби) и разнообразили академическую строгость обстановки.

Прелестные детишки с задумчивыми глазами и щеками краснее роз, рдевших среди цветов, как обычно, расселись по скамьям, а их родители удобно разместились позади на стульях. Воистину это было волнующее зрелище зрелище, способное тронуть до слез душу гуманного человека; но эти слезы счастья подобны весеннему дождю, они

капают из детских глаз, мгновенно высыхая, едва блеснет радуга веселья.

Звенит звонок; еще мгновение, и ситцевая занавесь отдергивается, все машут платками, и под приветственные клики, встречаемая улыбчивыми взорами, появляется она. Теперь наша задача выполнена. Господа, мы предоставляем слово самой волшебнице.

Откашлявшись и окинув комнату взором, исполненным любви, она начала свою лекцию Мои дорогие, о ранней истории нашей возлюбленной родины до восшествия на престол короля Альфреда я, право же, могу сказать лишь немного: прежде всего потому, что сам материал никак нельзя назвать нравственным — все это описания сплошных убийств, однообразия которых к счастью нарушают вторжения; а кроме того, дорогие, признаться откровенно, эти первые главы всегда казались мне такими несносно глупыми, что я старалась их не учить. А моя мама не обладала должной строгостью и не заботилась о моем образовании, как я забочусь о вашем, и если видела, что передо мной лежит «Медулла» Хауэлла, ей и в голову не приходило проверить, не припрятана ли под ней «Матушка Гусыня». Ах, мои дорогие! Это тоже прекрасная историческая книга, и во время каникул мы-с вами ее почитаем.

Так вот, об этих прескверных датчанах и саксах, пиктах и шотландцах я знаю очень мало и, скажу вам, прекрасно прожила свою жизнь без этого. Нет, нет, дорогие крошки, это, конечно, не пример для вас; учитесь ради учения, а если вздумаете лениться, у меня висит в шкафу кое-что на такой случай, и вы знаете, что не зря меня считают строгой. (Всеобщее оживление.)

Кто были первые люди, населявшие наш остров, никому не известно. Я не верю ни единому слову из того, что рассказывается в начале истории «Семеро героев христианства» про короля Брута и его соратников; что же до других гипотез (мисс Биггз, напишите на доске слово «гипотеза» и смотрите, не путайте его с «гиппопотамом»), то они не заслуживают внимания. Ведь первый человек был неграмотен и, конечно же, не записал число своего прибытия сюда; в противном случае можете себе представить, какая получилась бы сразу путаница в датах, — ведь вы не помните даже, в четверг или в пятницу был на сладкое пудинг с крыжовником.

Те из вас, мои милые детки, которые не читали «Историю Англии» миссис Триммер, без сомнения, рассматривали картинки в книге мистера Олдриджа «Бальзам Колумбии». Так вот, древние бритты были похожи на женщину, которая там изображена, только кожа у них была не черная; на

прекрасных картинках миссис Т., без сомнения, нарисовано все, как было, а там наши предки изображены в раскрашенных шкурах и с длинными, ни разу в жизни не стриженными волосами. Мне незачем и говорить, что раскрашивали они свои собственные шкуры потому, что одежда в то время еще не была изобретена.

Возможно, кто-нибудь из вас, милые крошки, видел вечером среди маминых гостей нынешних потомков древних бриттов (женского пола), которые из уважения к прошлому своей родины обожают краску и обходятся почти совсем без одежды.

Что касается религии древних бриттов, то, поскольку она сплошь состояла из невежественных и презренных заблуждений, чем меньше мы узнаем о ней, тем лучше. Но если у них была религия, то, можете не сомневаться, были и священники. Они назывались друидами. Историк Юм говорит, что они учили детей, но если учесть, что на один миллиард мальчиков не было ни одного грамотного, эта обязанность была не слишком обременительна. Кроме того, друиды ведали законами и управляли Британией, а в награду за свои труды получали недурную плату, какая следует всем наставникам юношества, юристам и министрам. («Правильно! Правильно!» —

воскликнули тут лорд Эбинджер и сэр Роберт Пиль.)

Характер у древних бриттов был воинственный и жестокий (они любили ссориться и драться, как юный Спрай, который сидит передо мной). Они всегда носили при себе свое оружие — дубины, а вместо труб трубили в бычьи рога; с этими дубинами и рогами они сражались против врагов, и иногда побеждали, а иногда терпели поражение, это уж как повезет.

Священники сидели дома и вдохновляли их — молились своим богам и, без сомнения, жаждали разделить с воинами славу и опасности; но они научились, по их словам, жертвовать собой для общего блага. И они жертвовали не только собой; как это ни прискорбно, я должна сказать, что в обычае у них было жертвовать другими: когда бритты возвращались с войны, ведя пленных, друиды волокли этих пленных в священные рощи и там убивали перед ужасными алтарями своих богов. Богам, говорили они, угодны эти рощи и эти кошмарные человеческие жертвы, и мне кажется, вы лучше усвоите материал, если я сравню этих богов с хищной щукой, а их жертвы — с несчастной молодью. (Всеобщее волнение.)

И поскольку папы, наверное, водили некоторых из вас на оперу «Норма», где представляют этих самых друидов, о которых у нас

идет речь, вы знаете, что у древних бриттов священниками были не только мужчины, но и женщины. Помните это и не делайте ошибки, которую так часто допускают даже в приличном обществе, называя священников во множественном числе священницами. Это грубая ошибка, с таким же успехом можно назвать «Голубые Столбы» (на Корк-стрит в Бэрмингтонском парке, где, говорят, подают отличные бифштексы) столбницами или ножи ножницами, что мне часто приходилось слышать от герцогини ***. Итак, запомните, священники, единственное число — священник. «Голубые Столбы» (Корк-стрит, Бэрмингтонский парк), единственное число «Голубой столб». Ножи, единственное число... Как будет единственное число от «ножи», мисс Хиггинс?

Мисс Хиггинс. Не знаю.

Юный Смит (с торжеством). А я знаю.

Мисс Тиклтоби. Ну, милый, скажи мисс Хиггинс, которая так невнимательна, как будет «ножи» в единственном числе.

Юный Смит (сморкаясь и утирая нос рукавом). У старика Джона Уопшота нож один-единственный, он ест им кашу, потому что нет ложки!

(Юный Смит хотел выйти к столу, но мисс Тиклтоби строго остановила его и возобновила лекцию.)

Но не думайте, что эти священники могли вечно творить зло; и в самом деле, известно (хотя, честное слово, я не знаю откуда), что тысячу восемьсот девяносто семь лет назад в Диле высадился знаменитый военачальник Юлий Цезарь. Он, равно как и другие римские императоры, его преемники, победил множество королей и племен с такими названиями, что можно язык сломать, тринобантов, атребатов, силуров. Право же, туда им всем и дорога, потому что, боюсь, в лучшем случае, это были просто дикари. Римляне повелевали бриттами без малого пятьсот лет; и хотя шотландцы утверждают, что их страна так и не была завоевана, я сильно подозреваю, что причина тут та же самая, по которой с огородного чучела никто не снимает лохмотьев, — просто-напросто не стоит труда.

Около четырехсот пятидесятого года римляне, у которых хватало дел у себя на родине, навсегда покинули Британию, и шотландцы, которые уже тогда были голодными и остались голодными до сих пор, набросились на бедных, беззащитных бриттов, которым пришлось призвать на помощь саксов.

В два часа мисс Тиклтоби сделала реверанс, напомнила слушателям, что следующая лекция состоится в среду на будущей неделе, и все разошлись, мысленно обещая себе непременно прийти опять.

Лекция вторая

В аудитории присутствовал один из знаменитейших наших поэтов философской школы, который старательно конспектировал лекцию, и ему, Адольфусу Симко, эсквайру, автору «Вампира», «Лейлы», «Идиосинкразии» и прочих произведений, мы бесконечно обязаны за нижеследующий философический обзор первой лекции мисс Тиклтоби по истории Англии, прочитанной ученикам и их друзьям... июля в ее академии на Литл-Бритен.

1. О тяжком впечатлении, каковое оставляют размышления о варварстве.

2. Склонность человеческого ума избегать подобных тем.

3. Мистическое, и историческое: их сравнительная красота и достоинства. Первой проблемы лектор обещает коснуться в дальнейшем.

4. Долг всякого ученика преодолеть нерадивость и ознакомиться со всеми историческими фактами, как приятными, так и неприятными, а учителя побудить к этому нерадивых любыми средствами.

5. Различные гипотезы относительно первоначальной колонизации Британии. Гипотеза об эпохе рыцарства и Артуровом цикле.